

Е.А. Васильев

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия*

ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ КИРЮШИН: ТОМСКИЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

По мнению специалистов, современная российская археология переживает своеобразный «историографический бум». При этом одним из наиболее широко представленных жанров историко-научных исследований является биография. На ее долю приходится более половины книг и статей, имеющих отношение к истории археологии [Тихонов, 2011, с. 45]. Этим объективным тенденциям созвучны и мои персональные рефлексии: с возрастом приходит понимание того, что археология – это не только про артефакты, но и про людей, благодаря которым ископаемые древности становятся частью мирового культурного наследия.

Ю.Ф. Кирюшину 75 лет. И по возрасту, и по статусу, и по достижениям – патриарх, основатель, первооткрыватель. Юбилей – хороший повод воздать по заслугам, но в этих биографических заметках хотелось бы избежать искушения традициями апологетической историографии и представить реальный образ сначала студента, а затем молодого ученого в историческом интерьере университетского Томска 1965–1977 гг. Тем более что сохранилась еще живая память об этом времени, а у юбиляра есть возможность автобиографического ответа, если вдруг он обнаружит фактическую неточность или не согласится с трактовкой событий.

Мы все родом из детства, но учеными нас делают университеты. В Новосибирске, рядом с домом, учиться не пришлось, для зачисления на гуманитарный факультет местного университета вчерашнему школьнику не хватило одного балла. Судьба распорядилась так, что alma mater для Ю.Ф. Кирюшина стал Томский государственный университет, куда он поступил в 1965 г., став студентом историко-филологического факультета. В середине 60-х гг. прошлого века факультет переживал эпоху своего расцвета и пользовался заслуженной славой главного центра гуманитарного образования к востоку от Урала [Могильницкий, 2008, с. 148]. В старейший сибирский вуз съезжались абитуриенты со всего Советского Союза. Конкурс был по нынешним временам невиданный: на одно место претендовало более 10 человек. Сквозь сито жесткого отбора проходили самые подготовленные, талантливые и мотивированные. Они попадали в хорошие руки. В созвездии тогдашнего профессорско-преподавательского состава самыми крупными светилами были профессора Б.Г. Могильницкий, И.М. Разгон, З.Я. Бояршинова, С.С. Григорцевич, В.С. Флеров, доцент А.П. Бородавкин. Это были не просто заслуженные, отмеченные регалиями авторитетные личности, за каждым из них стояли кафедры и научные школы. Специализация начиналась на 2-м курсе, и каждый студент получал право и реальную возможность реализовать себя в самых разных областях гуманитарного знания. Показательна в этом отношении судьба кирюшинских однокурсников, деливших с ним кров и стол в одной из комнат общежития.

В.П. Андреев и М.Я. Пелипась стали известными историками, профессорами, заведующими кафедрами на родном факультете. В шаге от докторской диссертации по философии остановился рано ушедший из жизни В.Г. Алексенко. В.С. Шутов за-

щищался как американец, но позднее нашел себя в политологии. В.А. Котликов специализировался по политэкономии, защитил степень кандидата экономических наук, преподавал, пробовал себя на административном поприще. В новосибирских вузах преподавали кандидат исторических наук В.И. Варющенко и Б.А. Кощеев, который диссертации предпочел дополнительный диплом юриста. И лишь М. Кальяк, получивший вместе с другими выпускниками военной кафедры одновременно диплом историка и повестку в военкомат, после обязательных двух лет лейтенантства остался в армии и дослужился до подполковника.

При всем богатстве выбора Юра Кирюшин видел и позиционировал себя только археологом. Как оказалось, единственным на весь курс. В обыденном сознании тех лет деятельность археолога, с одной стороны, была овеяна романтикой, а с другой – воспринималась как безобидное, но и бесполезное чудачество. Такому имиджу поспособствовал и набиравший популярность В. Высоцкий. Именно в 1965 г. он написал свою «Песню студентов-археологов». Надо ли говорить, что кирюшинские друзья и знакомые исполняли ее с антропонимической поправкой в знаковом куплете:

Студентом Юра очень был настроен
Поднять археологию на щит –
Он в институт притаскивал такое,
Что мы кругом все плакали навзрыд.

По воспоминаниям однокурсников даже вполне дружелюбное подтрунивание над будущей профессией заводило юного археолога с пол-оборота. В спорах был горяч, эмоционален, иногда в полемике сильно утрировал ситуацию. Именно ему приписывалась фраза, пережившая поколение, о том, что высшая удача археолога – порыться в первобытной помойке.

Студенческий быт был абсолютно спартанским. В небольших комнатах воспетого доморощенными бардами общежития на Ленина, 49, официально проживало по восемь человек, но были еще и нелегалы. Спали на двухъярусных кроватях, а если их не хватало, то на столе или под столом. Жили в тесноте, но не в обиде и даже весело. Бывало, пили, но больше пели. Кто-то почти профессионально, Кирюшин – громко и с чувством. Это было первое поколение относительно сытых студентов. Стипендия (обычная 35, повышенная – 45 рублей) всех потребностей не покрывала, но на питание в студенческой столовой почти хватало. Выручали помощь родителей и продуктовые посылки. В периоды финансовых кризисов, а они с завидной регулярностью случались перед стипендией, бюджетный дефицит закрывали за счет погрузо-разгрузочных работ. Некоторые подрабатывали ночными сторожами, летом «калымили» на стройках. Для Ю.Ф. Кирюшина последний вариант по понятным причинам исключался.

В 1964 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР приняло решение о сокращении сроков подготовки специалистов с высшим образованием. Жертвами эксперимента, к счастью, непродолжительного, стали два выпуска историков в том числе и кирюшинский. Им пришлось учиться всего 4 года по сокращенным программам. Несмотря на это студенческая генерация тех лет в профессиональном плане оказалась едва ли не самой успешной за всю историю факультета. Многие звезды сошли над этим поколением: отбор, возможность сосредоточиться на учебе, а не думать о хлебе насущном, блестящие учителя, великолепная научная библиотека. Но в науке одних условий, даже самых благоприятных, недостаточно. Тривиально, но факт: ученый, в какой бы ипостаси он ни выступал: исследователя, педагога, организатора – это прежде

всего личность. Прежде чем садиться за статью, я побеседовал с теми, кто хорошо знал студента Юру Кирюшина. Пытался выяснить, чем он выделялся среди сверстников, как сокурсники оценивали его потенциал и перспективы. Практически никто не сомневался, что он станет археологом, а среди положительных качеств отмечали желание учиться, трудоспособность и целеустремленность. Вставал раньше всех и, если не было занятий спешил в музей или «научку». Выбрав археологию, не пренебрегал другими предметами. Как о хорошем студенте о нем отзывались столь разные люди, как З.Я. Бояршинова, Б.Г. Могильницкий, Г.И. Пелих, А.П. Бородавкин.

Но любовь была одна – археология. К археологии на факультете сложилось особое отношение, не комплиментарное, но не столько пренебрежительное, сколько снисходительное. В семье исторических дисциплин ей отводилась роль Золушки. В переводе на академический археологию рассматривали как вспомогательный или источниковедческий предмет, «служанку истории», отказывая ей в статусе самостоятельной науки, равноценной истории. На какие-либо преференции в виде спецкурсов или семинаров рассчитывать не приходилось. Все официальное археологическое образование ограничивалось курсом «Основы археологии» в первом семестре и летней полевой практикой.

Лекции читал доцент В.И. Матющенко. Он не был ни блестящим оратором, ни выдающимся методистом, но обладал чем-то большим и редким – харизмой. Природное обаяние, благородная манера держаться, особый магнетизм привлекали всех студентов, а для специализирующихся по археологии он во всех временах и обстоятельствах оставался настоящим ментором. Владимира Ивановича отличала редкая широта интересов, от палеолита до Томского кремля, но главной темой его научных исследований в те годы были культуры неолита и бронзового века Верхнего и Среднего Приобья, в этих хронологических и территориальных рамках волею учителя предстояло найти свое место в археологии первокурснику Юре Кирюшину. Индивидуальную образовательную траекторию своих учеников В.И. Матющенко вычерчивал по принципу от общего к частному, в терминологии сегодняшнего дня – от общекультурных компетенций к профессиональным. Поэтому первая курсовая работа была посвящена каменному веку европейской части СССР, а дипломное сочинение защищалось по теме «ЕКМ-I и его место среди памятников бронзового века Среднего Приобья».

За отсутствием спецкурсов в учебной программе реальной профессиональной школой студентов-археологов был археологический кружок. Это не клуб по интересам, а неформальная, но творчески работавшая студенческая лаборатория. Благодаря В.И. Матющенко дело было поставлено так, что при подготовке докладов на кружке все остальные учебные задания откладывались в сторону. Может быть, поэтому студентов-археологов не очень жаловали на факультете. Ю.Ф. Кирюшину везло на однокашников (как, впрочем, и им с Кирюшиным), на заседаниях кружка он сблизился с В.А. Посредниковым, А.Ф. Косаревым, М.В. Аниковичем. Каждый из них оказал на судьбу нашего героя заметное влияние. Более старший В.А. Посредников, сдержанный, немногословный и кропотливый, позднее стал коллегой по лаборатории, единомышленником по важнейшим вопросам западносибирской археологии бронзового века. Да и первый маршрут от Нового Васюгана до Озерного, на годы определивший научные интересы Ю.Ф. Кирюшина, они прошли вместе. Будущий кандидат философских наук А.Ф. Косарев, уже тогда тяготевший к теории и методологии, способствовал вовлечению юного археолога в эту проблематику,

а кроме того, подготовил почву для его сближения с Косаревым-старшим. Наиболее тесные дружеские отношения сложились с М.В. Аниковичем. Оба были талантливы и амбициозны, обоим ждала блестящая карьера. Юрий Федорович был повзрослее и поопытней и в ранние годы не раз оказывал будущему светиле палеолитоведения помощь и поддержку [Аникович, 2007, с. 39].

Как бы ни были важны формальные и неформальные академические занятия, окончательный вердикт о профпригодности археолога выносит поле, в Сибири особенно. Учебную практику после 1-го курса Ю.Ф. Кирюшин проходил в 1966 г. в экспедиции Л.А. Чиндиной. Для посвящения раскопки курганного могильника Рёлка подходили идеально. Памятнику еще предстояло стать классикой средневековой культуры Нарымского Приобья, но экзотика и разнообразие погребального обряда, потрясающая металлопластика, роскошная керамика, оружие, многочисленные бытовые предметы открыли неопиту сибирскую археологию с самой эффектной и привлекательной ее стороны. Раскопки в Молчаново положили начало забавной и почти мистической традиции: участие Ю.Ф. Кирюшина в исследованиях памятников железного века почти всегда сопровождалось открытием на них ярких ранних объектов. Эта история началась в Рёлке с двух погребений молчановской культуры позднего бронзового века, а затем продолжилась на Малгете и Степановском-I поселении (фото 1, 2).

Малгет. Ю.Ф. Кирюшин отдаст этому памятнику несколько полевых сезонов, станет одним из духовных лидеров малгетского братства, малгетские материалы лягут в основу его кандидатской диссертации. Но все это будет впереди. А в 1966 г. на берегах озера Шапочного он впервые почувствовал, что такое обской Север. Поселок Молчаново, на окраине которого располагалась Рёлка, тоже не юг, но там, хоть и жили в палатках, все же оставались в пределах «цивилизации». Здесь же тайга на сотни километров, реки, озера, болота. Север обладает одной особенностью: он очень быстро оценивает человека по принципу «свой – чужой». Ю.Ф. Кирюшин был квалифицирован как «свой». Обнаружились его промысловые таланты. Как записано в малгетской летописи, «Калмаков и Кирюшин рыскали по озерам и болотам, таскали утей, карасей и щук». Малгет – памятник особый, в его слоях представлена вся археология Среднего Приобья. В 1966 г. планировалось уточнить, насколько репрезентативны разновременные комплексы. Выяснилось, что к бронзовому веку относятся не только отдельные фрагменты керамики, но и жилищные западины, локализованные в определенных частях поселения. К их раскопкам Ю.Ф. Кирюшин приступит позднее, в начале 1970-х гг., в начале своей профессиональной карьеры (фото 3).

Из первой экспедиции начинающий археолог вернулся воодушевленным, мотивированным, окончательно утвердившимся в своем выборе. Последующие «полевые университеты» проходили под руководством В.И. Матющенко в Ростовке, Еловке и Самуськах. Практика получилась уникальной: если бы удалось формализовать негласный рейтинг научной значимости археологических памятников Западной Сибири, то Ростовкинский могильник, Еловские курганные могильники, поселение Самусь-IV заняли бы верхние его строчки. Участие в исследовании таких объектов дорогого стоит и многое дает. В археологии важны нюансы, часть которых доступна только непосредственным участникам раскопочного процесса. В экспедициях В.И. Матющенко испытанный «боец» был сразу же зачислен в «офицерский корпус». Это давало некоторые привилегии в виде знаменитого грога, который по вечерам подавался в палатке «шефа», но накладывало и дополнительные обязанности: вести дневник,

Фото 1. Первая экспедиция. Рёлка, 1966 г.

Фото 2. На память о Молчаново. 1966 г.

чертить планы, отвечать за работу бригады. Так, исподволь, без специальных тренингов и занятий накапливался необходимый опыт, нарабатывались профессиональные навыки и умения.

Впрочем, ремеслу археолога Ю.Ф. Кирюшин учился не только у В.И. Матющенко, но и у Л.А. Чиндиной. В 1968 г. судьба во второй раз забросила его на Север, на этот раз в самое сердце Васюганья. Разведочный отряд (Л.А. Чиндина, Ю.Ф. Кирюшин, Б.А. Тренин) обследовали ближние и дальние окрестности поселка Средний Васюган и на берегах небольшой Степановской протоки обнаружили компактную группу

памятников. Как оказалось, это был хороший задел на будущее, на тот момент еще непредсказуемое. Тогда же состоялся первый самостоятельный маршрут и открыт первый археологический памятник – поселение Лисий Мыс. Правда, в официальной документации это событие отражения не нашло, так как работы проводились по Открытому листу Л.А. Чиндиной (фото 5).

Вплоть до выпуска из университета все складывалось как нельзя лучше, а впереди рисовалось блестящее будущее. Для этого были все основания: добротная академическая школа, разносторонняя полевая подготовка, успешные выступления на конференциях и даже опыт лаборантской работы в кабинете антропологии. Предстояло только определиться с местом работы, должностью и темой кандидатской диссертации. Тем более что дипломное сочинение Ю.Ф. Кирюшина вызвало неподдельный интерес. По воспоминаниям Л.А. Чиндиной (она была рецензентом) защита проходила бурно, как будто обсуждалась не выпускная квалификационная работа, а серьезный профессиональный труд.

Все карты спутал В.И. Матющенко. Трещина в отношениях учителя и ученика, наметившаяся на заключительном курсе, стала стремительно превращаться в пропасть. Для Владимира Ивановича была характерна одна особенность, он по-отечески заботливо относился к студентам, щедро делился с ними знаниями, советами, материалами. Но как только его воспитанники выходили из ученического статуса и превышали отведенный им лимит самостоятельности, неизбежно наступало похолодание. Мэтр достаточно толерантно относился к критике своих историко-культурных построений со стороны, но внутреннюю оппозицию терпеть не собирался. В первую очередь это нетерпение распространялось на тех его учеников, кто работал с ним, в сфере его научных интересов и использовал его материалы. Кроме того, он был противником «скороспелых» диссертаций. Сам долго работал над своими квалификационными трудами и полагал, что наука суетности не терпит. Энергичный, амбициозный Ю.Ф. Кирюшин плохо вписывался в эту парадигму.

Распределили его в университетский Музей археологии и этнографии Сибири, заведующим. И тогда, и сейчас должность расстрельная: работы сверх всякой меры, рутина, лаборантов минимум, оборудования тоже. Не думаю, что эта работа соответствовала его планам, полагаю даже, что и он по складу характера и темпераменту к ней не подходил. Расстрел состоялся через год с формулировкой «не предотвратил вылет моли». Увольнению поспособствовала жесткая позиция В.И. Матющенко.

На это же время приходится длительная стажировка Ю.Ф. Кирюшина в лаборатории археологических технологий Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Она была следствием плана по созданию в Томске мощного исследовательского центра археологических исследований. В структуре этого центра предусматривалась мини-лаборатория спектрального анализа, возглавить которую и должен был молодой специалист. В первую очередь предстояло заняться древними бронзами, благо после раскопок в Еловке и особенно в Ростовке сформировалась репрезентативная по количеству и уникальная по составу коллекция металлических изделий. Определилась тема научной работы, а в перспективе и диссертации – комплексный анализ западносибирских бронз эпохи раннего металла.

Ленинград встретил молодого томского коллегу по-питерски благожелательно. Особое покровительство оказал добрый гений томичей – М.П. Грязнов, всегда помнивший о городе, где он вырос, учился, начинал карьеру. В рамках индивидуальной программы стажировки, разработанной тогдашним руководителем лаборатории

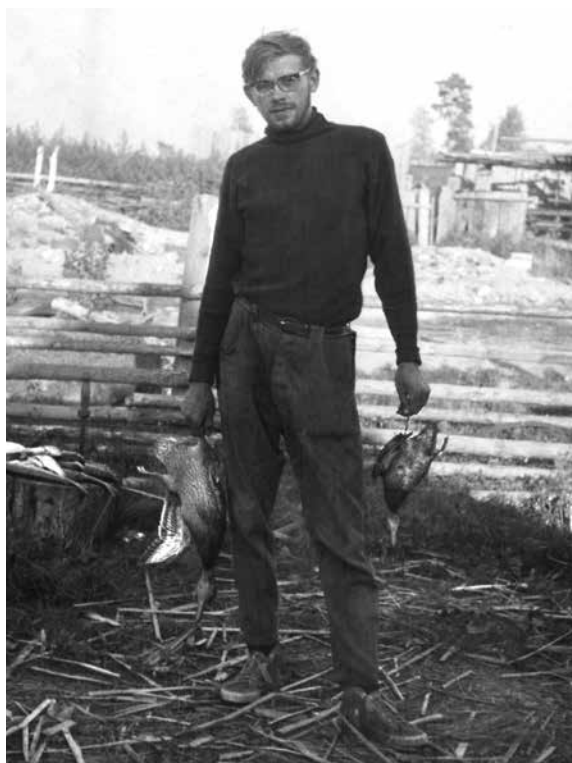

Фото 3. Охотник. Малгет, 1966 г.

Я.А. Шером, Ю.Ф. Кирюшин не только освоил теорию и практику спектрального анализа, но и исследовал привезенные из Томска образцы.

Помимо официальной, у начинающего исследователя была сугубо персональная, неформальная программа повышения профессиональной квалификации. Представляя в Северной Пальмире Сибирские Афины, он вряд ли испытывал комплекс неполноценности, но разницу в базовой археологической подготовке не мог не заметить и, как натура деятельная, приложил все усилия для ее ликвидации. Вместе со студентами-вечерниками посещал лекции ведущих преподавателей, много времени проводил в библиотеках.

Итоговые результаты стажировки не только внушали персональный оптимизм, но открывали новые перспективы для развития археологиче-

Фото 4. На обласке по Васюгану. 1968 г.

ских исследований в университете. В середине 1960-х гг. на весь Советский Союз насчитывалось всего шесть учреждений, занимавшихся спектральным анализом ископаемых бронз [Колчин, 1965, с. 14]. Томск мог бы стать региональным центром инновационных исследований, особенно с учетом потенциала междисциплинарных изысканий. Проект рухнул, когда В.И. Матющенко забрал из подготовленной базы данных результаты анализа бронзовых предметов из коллекций раскопанных им памятников. Без них дальнейшая работа теряла всякий смысл. Это был удар. Удар по проделанной работе, по планам, по перспективам быстрой защиты диссертации. К счастью, Ю.Ф. Кирюшин относится к той довольно редкой категории людей, для которых конфликт, препятствие, временные неудачи не повод для уныния, а источник дополнительной энергии и стимул для дальнейшей работы.

К научным и околонучным проблемам добавились семейные заботы. Как и герой цитированного произведения В. Высоцкого, свой идеал Юрий Федорович откопал в экспедиции, в Еловке, где юная Таня Селезнева проходила археологическую практику. В отличие от незадачливого Федя закапывать обретенный идеал назад не стал. Получилось не совсем как в песне, но как песня. Она звучит более 50 лет, не теряя ни красоты, ни благозвучия, радуя всех, кому довелось прикоснуться к этой удивительно гармоничной мелодии.

В конце 1970 г. Ю.Ф. Кирюшин стал сотрудником проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Лаборатория открылась в 1968 г., но была и предыстория, о которой официальные летописцы [Черняк, 1998, с. 3–7] умалчивают, а я пересказываю со слов В.И. Матющенко [2001, с. 114–118], позднее им опубликованных. Планы по созданию в университете специализированного центра археологических исследований вынашивались им с середины 1960-х гг. Лаборатория задумывалась как уменьшенная копия академических институтов: исследования от палеолита до Средневековья, музеев, естественно-научные методы. И стажировка Ю.Ф. Кирюшина, и обучение М.В. Аниковича палеолиту в Ленинграде являлись частью этого проекта. Были записки в ректорат, письма поддержки из Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Идея понравилась, ее подхватили историки и после «творческой переработки» реализовали. В переформатированном варианте лаборатория включала четыре «исторических» сектора и сектор археологии и этнографии (de facto и антропологии) Сибири [Черняк, 1998, с. 4–5].

Коллектив сектора, руководить которым было поручено В.И. Матющенко, подобрался звездный: Л.А. Чиндина, Л.М. Плетнева, В.А. Посредников, В.А. Дремов, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин, Н.А. Томилов. Степени и регалии ждали их впереди, но уже тогда каждый был заметной величиной в своем деле. Будущие классики ютились в небольших закутках на втором этаже Музея археологии и этнографии, воплощая собой принципы и возможности междисциплинарного синтеза. Для того чтобы получить квалифицированную консультацию по этнографии или физической антропологии, Ю.Ф. Кирюшину достаточно было сделать несколько шагов.

С открытием лаборатории перед томской археологией открылись невиданные ранее перспективы. Началось реально планомерное обследование Среднего Приобья. Каждый ученый разрабатывал тему, которая должна была завершаться монографией или диссертацией. Сказочный по нынешним временам бюджет и перспективное планирование создавали благоприятные возможности для реализации долговременных проек-

тов, как индивидуальных, так и коллективных. Начинающему сотруднику предстояло определиться по двум важным пунктам: с темой и научным руководителем. На В.И. Матющенко, его связи и материалы рассчитывать не приходилось. Куратором согласилась быть Л.А. Чиндина. К тому времени она заканчивала работу над диссертацией и в неформальной табели о рангах университетских археологов уступала только «шефу». Учитель по первой профессии и призванию, она столь же нуждалась в новом опыте, как Ю.Ф. Кирюшин – в помощи и поддержке. Исходя из сложившейся ситуации за молодым исследователем была закреплена тема, связанная с изучением памятников ранних эпох в северных районах Томской области. Северная проблематика органично вписывалась в общую стратегию по системному изучению западносибирских древностей. В решении I археологического совещания, состоявшегося в Томске в мае 1970 г., отмечалось, что территория таежной зоны Западной Сибири является наиболее слабо изученной областью страны. Подчеркивалось, что это мешает правильному пониманию исторического прошлого больших соседних районов [Решение совещания..., 1970, с. 294].

Первая половина 1970-х гг. – важнейший период в биографии нашего героя, который в значительной степени определил всю его дальнейшую судьбу. Это было время тяжелой экспедиционной работы, интенсивных кабинетных исследований, поисков новых подходов к анализу ископаемых древностей. Первоочередная задача – создание достаточного корпуса источников – решалась в поле. Четыре сезона на Малгете (фото 5–7) позволили понять алгоритм местного культурогенеза и наметить контуры историко-культурной концепции. Повезло в 1971 г. Во время раскопок поселения раннего железного века Степановка-I наткнулись на четыре архаичных могилы. Материалы погребений структурировали находки, которые на Малгете и в других местах по всем раскладам были самыми ранними для постнеолитического времени. Степановские находки позволили окончательно определить территориально-хронологические рамки и темы, и диссертации. Круг научных интересов замкнулся на левобережной части Нарымского Приобья в пределах обширной Васюганской равнины, а если коротко – Васюганья. По мере того как разрозненные пазлы отдельных археологических комплексов начали складываться в единую картину, становилось очевидным, что материалов для ее завершения недостаточно. Требовался второй Малгет, и желательно не с окраинных территорий (Малгет расположен в юго-восточной части Васюганья), а в центре региона.

Об Озерном как старинном, священном для хантов месте рассказывал побывавший там В.М. Кулемзин. Опыт подсказывал: в таких местах археология почти гарантирована. Физико-географические характеристики тоже выглядели многообещающими: хорошее рыбное озеро Тух-Эмтор с довольно высокими берегами, множеством впадающих ручьев и речек и единственным истоком, связывающим водоем с системой Васюгана. Помочь с разведкой вызвался опытный в северных делах В.А. Посредников, а в качестве проводника пригласили С.Г. Бардина. Он работал в музее художником, а родом был как раз из Озерного. События этой экспедиции могли бы стать основой сценария как документального фильма на тему «Феномен археологического открытия», так и приключенческой ленты в стиле историй об Индиане Джонсе. Там было все: рабочая гипотеза, предварительная организационная подготовка, аборигены, тяжелейший маршрут, неожиданные препятствия, счастливая развязка и радость научного открытия.

В самом начале лета 1972 г. группа высадилась в аэропорту Нового Васюгана. В поселке к ним присоединился спутник из местных хантов. От Нового Васюгана до

Фото 5. Рыбак. На оз. Малгет, июль 1974 г.

Фото 6. Малгетская эпопея. МАП-72, р. 3

Озерного около 30 километров по прямой, по таежной тропе значительно больше. Да и цена этих километров особенная: значительная часть маршрута проходила через болота, а они в это время года наполняются талыми водами и становятся труднопро-

Фото 7. Карточный турнир. Малгет, 1975 г.

ходимыми. Шли два дня с ночевкой в охотничьей избушке. К счастью, было тепло и гнус еще не поднялся. На подходе к конечной цели путешествия столкнулись с редким в этих местах оптическим явлением, чем-то вроде миража. Это настолько смутило проводников, что они перепутали ориентиры. С двумя хантами заблудиться в лесу невозможно, но поплутать пришлось, что окончательно измотало и без того уставших путников. Через 3 года экспедиционная судьба провела меня по этому маршруту, и это было одним из тяжелейших испытаний в моей жизни.

Местные ханты встретили гостей с Большой Земли благожелательно. Посчитали что Сергей Бардин кого попало к себе на родину не приведет, да и запас «огненной воды» оказался достаточным. Что делать, без этого продукта на Севере в те времена не решался ни один вопрос. После застолья поделились сокровенным: где спит зарывшийся в землю мамонт и где стояли построенные предками-богатырями городки. Договариваться Ю.Ф. Кирюшин умел. Похоже, что и с местными духами он нашел общий язык, отмолил у них удачу. Надеюсь, что читатель оценит шутку, хотя археологи-северяне народ суеверный и истории про духов у них в ходу.

В Озерном Ю.Ф. Кирюшин нашел то, что хотел. На берегах озера Тух-Эмтор и вытекающей из него речки Тух-Сигат было открыто 14 разновременных памятников, шесть из которых содержали материалы бронзового века. Культурный слой залегал *in situ*, на поверхности просматривались западины древних жилищ. В последующие годы на пяти поселениях были проведены раскопки с вскрытием значительных площадей, а поселение Тух-Эмтор-IV очень быстро получило широкую известность как эталонный памятник бронзового века Васюганья. По репрезентативности и эвристическому потенциалу новый мегакомплекс не уступал малгетскому, а в чем-то превосходил его. Все периоды бронзового века представлены не отдельными жилищами, а поселениями с выраженными границами, определенной структурой жилых и хозяйственных построек. В целом новые материалы органично вписались в авторскую концепцию

культурогенеза, придав ей большую фундаментальность и широту. Весьма символично, что в четырехчленной периодизации бронзового века Васюганья второй и третий этапы были названы тухэмторским и тухсигатским.

Стационарные исследования северных памятников продолжались несколько полевых сезонов (1973–1977 гг.). Это было трудное и счастливое время. Головная боль тех лет – формирование состава экспедиции и логистика. Найти десяток людей, согласных за просто так, без зарплаты «отпахать» три недели в васюганских болотах, было нелегко. В первые годы выручали романтики и друзья-однокурсники В.П. Андреев и В.А. Демешкин, позднее студенты-практиканты и сотрудники лаборатории. Каким-то чудом удалось решить транспортную проблему. Помог Открытый лист, предписывающий всем органам власти оказывать предьявителю всемерную помощь, и легендарная коммуникабельность начальника экспедиции. Как очевидец могу засвидетельствовать, что к 1975 г. почти все нововасюганское начальство было у него в друзьях. Надо отдать должное и отечественному кинематографу. После выхода на экран «Джентльменов удачи» (1972 г.) фраза «Мы археологи из Томска» открывала все двери (фото 8).

Экспедиционный быт в Озерном заслуживает отдельного повествования. Забрасывались только вертолетом, для людей, груженых оборудованием и продуктами, окрестные болота были непроходимы. После того как винтокрылая машина исчезала за горизонтом, связь с Большой Землей полностью прерывалась. Большую помощь оказывал глава хантыйской общины П.М. Милимов. Пек хлеб, ловил рыбу, баловал лосятиной (лицензию выкупал Ю.Ф. Кирюшин). В конце июля – августе появлялись дикоросы: грибы, черника, голубика, кедровые шишки. И все это в пяти метрах от раскопа. За пределы поселка выходить запрещалось. Помню, как среди бела дня в пойме появился медведь и стал скрадывать проверяющего сеть ханта. С раскопа на высоком мысу все было видно как на ладони. Наш мощный крик испугал и медведя, и рыбака. На Тух-Эмторе Юрий Федорович преобразался. Он обретал какую-то внутреннюю

Фото 8. Тух-Эмтор, 1974 г.

гармонию и распространял ее на всех остальных. Работы было много, но никто не жаловался, глядя на то, как начальник наравне со всеми машет лопатой, а потом занимается находками и полевой документацией.

К привезенным из экспедиции материалам относился трепетно. Сам клеил, реставрировал, показывал, рассказывал. В музей приходил первым и засиживался допоздна. В обед в столовую принято было ходить вместе. Пока за разговорами все заканчивали с супом, Ю.Ф. Кирюшин допивал компот и бежал доклеивать, дописывать, дочерчивать. За невиданно короткий срок был обработан значительный массив источников и проведена серьезная аналитическая работа. Первый вариант диссертации был представлен для обсуждения в секторе уже в конце 1975 г. По старой доброй томской традиции работу тормознули, но ненадолго. В последующих событиях велика роль научного руководителя – Л.А. Чиндиной. Она сглаживала конфликты, помогала устранять замечания, решала организационные вопросы, готовила оппонентов, договаривалась с московскими коллегами.

Защита состоялась в Москве, в Институте археологии в феврале 1977 г. Все томики были уверены в успехе, но, как положено, волновались и ждали известий. Помню звонок в музей и взволнованный голос Юрия Федоровича: «Все прошло блестяще, ни одного черного шара, говорили, что работа выполнена на самом высоком международном уровне!». В 1979 г. материалы диссертации были изданы в Томске [Кирюшин, Малолетко, 1979]. Юрий Федорович считал для себя необходимым привлечь в качестве соавтора А.М. Малолетко, отдавая должное вкладу профессора в естественно-научную составляющую этого труда. За свою творческую карьеру Ю.Ф. Кирюшин опубликовал два десятка монографий и сотни статей. Как *magnus opus* оцениваю два тома: «Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири» [Барнаул, 2002] и «Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири» [Барнаул, 2004], но лучшим из написанного считаю «Бронзовый век Васюганья».

У меня неплохая библиотека. В ней собрано почти все, что имеет отношение к археологии и этнографии Северной Азии. К книгам приучен относится бережно, но три издания пришлось отдать в переплет. Не потому, что был с ними неаккуратен, а потому что износились. Это пять томиков В.И. Матющенко («Древняя история поселения лесного и лесостепного Приобья»), монография М.Ф. Косарева «Бронзовый век Западной Сибири» и книга Ю.Ф. Кирюшина, А.М. Малолетко «Бронзовый век Васюганья». Вряд ли такой способ оценки актуальности найдет официальное признание в наукометрии, но как неформальный критерий по степени объективности может поспорить с любым индексом цитирования.

Чем замечательна эта книга? Достоинств у нее немало, есть и недостатки. В объективность критики давно уже не верю, а мои персональные оценки здесь не совсем уместны, поэтому отмечу только бесспорное:

1. Эта книга – открытие. Открытие практически неведомого ранее мира древних культур обширной территории, по размерам намного превышающей среднюю европейскую страну. Благодаря этому труду на археологической карте отечества одним белым пятном стало меньше.

2. Изложенная в монографии историко-культурная концепция позиционирует таежное Обь-Иртышье не как резерват архаичных культур, а как органичную часть мегаструктуры южной части Западной Сибири эпохи бронзы с развитой металлообработкой и элементами производящей экономики (коневодства).

Фото 9. В с. Инкино с семьей Медведевых. 2001 г.

Фото 10. Третье археолого-этнографическое совещание. Томск, 1975 г.

3. Книга является пионерским образцом успешного применения естественно-научных методов при изучении археологических памятников. При реконструкции окружающей среды были использованы разнообразные практики и принципы геоархеологии задолго до того, как эта дисциплина утвердилась в отечественной науке.

Монография стала достойным завершением томского периода жизни и научного творчества Ю.Ф. Кирюшина. Сразу после защиты диссертации он перебрался в Барнаул. Переезду поспособствовал недавний томич, а в 1977 г. профессор Алтайского университета А.П. Бородавкин. Первый заведующий проблемной лаборатории никогда не скрывал своих симпатий к молодому ученому и не единожды поддерживал его в сложных ситуациях. Озвученная причина перемен – отсутствие реальных перспектив получения квартиры в Томске. Причина более чем существенная: в семье подрастали двое сыновей, и трудно было смириться с мыслью, что еще на несколько лет их домом будет комната в общежитии. Но было и другое: возможности карьеры перестали соответствовать его амбициям.

Алтайский выбор его не разочаровал, о чем говорилось публично и неоднократно. Но и к alma mater Ю.Ф. Кирюшин всегда и везде подчеркнуто комплиментарен, с удовольствием возвращается к родным пенатам (фото 9), словом и делом поддерживает старых друзей и коллег. Да иначе и быть не может. Томск подарил ему знания, учителей, друзей, профессию, семью. В истории нашей науки он навсегда останется и воспитанником Томской археологической школы, и самым ярким ее апостолом (фото 9, 10).

Юрий Федорович любит вспоминать о том, что через несколько лет после отъезда незабываемый М.П. Кортусов, бывший тогда проректором по науке, уговаривал его вернуться, но получил вежливый отказ. Вот уж действительно, что имеем не храним, потерявши плачем.

Библиографический список

Аникович М.В. О моем первом учителе // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. Томск, 2007.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.

Колчин Б.А. Археология и естественные науки // Археология и естественные науки. М., 1965.

Матющенко В.И. Как это было // Вестник Омского университета. 2001. №3 (21).

Могильницкий Б.Г. Вспоминая пережитое // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008.

Решение совещания по вопросам хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири, принятое 31 мая 1970 года // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

Тихонов И.Л. «Историография» или «история науки» (о современных исследованиях по истории археологии) // История археологии: личности и школы. СПб., 2011.

Черняк Э.И. Проблемной лаборатории – 30 лет // Из истории Сибири. 30-летию лаборатории. Томск, 1998.

УДК 001:902

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.3

О.С. Лихачева

ООО «Алтайстройсервис», Барнаул, Россия

ВКЛАД Ю.Ф. КИРЮШИНА В ИЗУЧЕНИЕ ОРУЖИЯ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Представленная статья посвящена анализу работ Ю.Ф. Кирюшина, в которых имеются сведения об оружии энеолита и бронзового века с территории Лесостепного Алтая. Рассматриваемая подборка условно подразделяется на три блока, сгруппированные по содержанию. В первый включены работы, где опубликованы материалы из археологических памятников указанного периода, со-